Первый нарком просвещения РСФСР А.В.Луначарский (к 150-летию со дня рождения)

Помелов Владимир Борисович – д-р пед. наук, профессор, Вятский государственный университет (Киров, Россия); vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена видному деятелю отечественного образования советской эпохи А.В.Луначарскому. Показаны основные этапы его жизненного пути. Он характеризуется как видный политик, вошедший в историю СССР в качестве первого главы Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП). Его руководство российским образованием пришлось на время коренных социально-политических изменений в жизни страны. В статье раскрываются его заслуги в деле преодоления безграмотности населения, повышения уровня культуры и образования в Советской России. Рассказывается о сложностях в период внедрения комплексных программ и учебных планов для школ.*

Ключевые слова. *Народный комиссариат просвещения РСФСР, образование в РСФСР в 1920-е гг., комплексный учебные программы и планы, А.В.Луначарский, Н.К.Крупская.*

А.В.Луначарский – личность в отечественном образовании значительная и заметная. В 2025 г. исполняется 150 лет со дня его рождения. Первый руководитель НКП вошел в историю как видный деятель просвещения и горячий сторонник сохранения культурного наследия многонационального российского народа. Десятилетиями в советской историко-педагогической науке деятельности Луначарского давалась исключительно положительная оценка, поскольку не было принято акцентировать внимание на тех трудностях, ошибках и заблуждениях, которые были характерны для начального периода развития советского образования, т.е. именно в тот период, когда он был главой НКП. Мы отходим от сложившейся в историко-педагогической науке традиции воздавать должное «творцу новой советской школы, рожденной Октябрем», и делаем попытку расширить представление о личности Луначарского и его заслугах, реальных и мнимых.

А.В.Луначарский родился в 1875 г. в Полтаве. В 1895 г. окончил гимназию и поступил в Цюрихский университет, где изучал философию и естествознание под руководством основателя эмпириокритицизма Р.Авенариуса; познакомился с членами социалистической группы «Освобождение труда».

В дооктябрьский период Луначарский активно участвовал в деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, неизменно поддерживая линию В.И.Ленина, особенно после раскола партии в 1903 г. на большевиков и меньшевиков. Он вел отсчет своего партийного стажа с 1895 г., т.е. со времени основания В.И.Ульяновым первой социал-демократической группы, которая называлась «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По поручению Ленина Луначарский постоянно переезжал из города в город в Европе и России, решая организационные вопросы деятельности партии, находился под постоянным надзором полиции, неоднократно арестовывался, отбывал ссылку в Калуге, Вологде, Тотьме, некоторое время находился в тюрьме.

В начале осени 1917 г. был избран председателем культурно-просветительской

секции и заместителем главы Петрограда. На II Всероссийским съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов он зачитал ленинский текст «Рабочим, солдатам и крестьянам!», возвещавший о победе Октябрьской революции, и вошел в сформированное съездом правительство в качестве народного комиссара (наркома) просвещения.

В сентябре 1929 г. Луначарский был смещен с поста наркома и в качестве моральной компенсации назначен председателем Ученого комитета при ЦИК СССР, получил звание действительного члена АН СССР. В начале 1930-х гг. Луначарский – директор Института русского языка и литературы («Пушкинский дом»), один из редакторов «Литературной энциклопедии». В сентябре 1933 г. он был назначен полномочным представителем СССР в Испании, но 26 декабря 1933 г., по пути в Испанию, скончался от приступа стенокардии на французском курорте Ментон. Урна с прахом Луначарского установлена в Кремлевской стене на Красной площади.

Луначарский – один из немногих так называемых «старых большевиков», кому удалось избежать репрессий. Правда, он ушел из жизни еще до наступления времени «большого террора», поэтому его фамилия сохранилась в почетной «обойме» членов «ленинской гвардии», а также в названиях улиц и производственных коллективов.

На посту наркома просвещения РСФСР. Деятельность А.В.Луначарского в должности наркома принято характеризовать положительно, особенно если учесть размах и значимость проблем, которые встали перед главой НКП и его сотрудниками.

Декретом Совета народных комиссаров (далее – СНК) от 9 (21) ноября 1917 г. была организована государственная комиссия по просвещению во главе с Луначарским, который незамедлительно обратился с воззванием к населению, учительству и учащимся, где изложил задачи советской власти в области просвещения: всеобщее обязательное начальное образование, общедоступность школы всех ступеней, ее светскость, высокий бюджет, демократизация, учет местных и национальных особенностей, привлечение педагогов к рассмотрению профессиональных и социальных вопросов. Он призвал учителей и учащихся сблизиться с рабочей массой, идти вместе с революционным народом, укреплять завоевания Октября.

18 июня 1918 г. СНК принял подготовленное Луначарским положение «Об организации дела народного образования в РСФСР», по которому руководство образованием возлагалось на госкомиссию по просвещению, а на местах – на губернские, уездные, волостные отделы народного образования исполкомов рабочих и крестьянских депутатов. Повсеместно в России организовывались советы по народному образованию – совещательные органы, состоявшие из представителей общественности, учителей и учеников. В 1917–29 гг. практически все постановления и декреты советской власти, разного рода распоряжения и предложения по вопросам культуры и образования готовились наркомом лично или при его непосредственном участии.

В 1918 г. был принят декрет СНК «О свободе совести», провозгласивший отделение церкви от государства и школы от церкви. Отменялись все ограничения, связанные с принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, сословию или национальности. Женщина получала равные права с мужчиной, в том числе в сфере образования. Закрывались частные учебные заведения. В мае 1918 г. было введено совместное обучение мальчиков и девочек. На I всероссийском съезде по просвещению была одобрена система единой общеобразовательной школы с двумя ступенями: 5 лет и 4 года. Тем самым была ликвидирована разнотип-

ность школ, существовавшая до революции. В октябре 1918 г. была введена новая усовершенствованная орфография. Проведение в жизнь декретов Советской власти вызвало сопротивление со стороны ее проотивников, в том числе части интеллигенции. Государственный комитет по народному образованию, созданный после Февральской революции, отверг предложение Луначарского о сотрудничестве. Многие учителя восприняли новую власть настороженно.

Остро стояла проблема подготовки и переподготовки учительства. Летом 1918 г. было проведено более 100 краткосрочных курсов. Учительские семинарии были преобразованы в трехгодичные педагогические курсы, готовившие учителей школ I ступени; учительские институты преобразованы в вузы для подготовки учителей школ II ступени. В учебные планы НКП вводил такие предметы, как политэкономия, социология, история социализма, советская конституция, основные принципы единой трудовой школы.

Новая программа РКП(б) (1919) утверждала необходимость открытия детских садов и яслей, раскрепощения женщины, преподавание на родных языках, совместное обучение детей обоего пола, снабжение учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства, подготовку идейно выдержанных кадров, привлечение населения к активному участию в деле просвещения (мобилизация грамотных, развитие «советов народного образования»), государственную помощь в деле самообразования населения (кинематограф, библиотеки, курсы, лекции, народные дома и университеты). Педагогическую составляющую программы партии готовил Луначарский.

За 1917–20 гг. количество школ и учащихся значительно возросло. Состав учащихся в средних школах изменился: вместо детей помещиков и буржуазии, чиновников и буржуазной интеллигенции ими стали в основном дети рабочих и крестьян. С 1919 г. стали открываться рабфаки (рабоче-крестьянские факультеты). Они предназначались для тех, кто ранее не имел возможности получить знания, необходимые для обучения в вузе.

Декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР (1919) обязывал обучать всех лиц возрасте от 8 до 50 лет. Возникли пункты ликвидации безграмотности и школы для малограмотных. НКП создал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности и фактически осуществлял всю работу в данном направлении на протяжении ряда лет. После революции и гражданской войны количество беспризорников увеличилось в несколько раз, создавались детские дома.

Начиная с 1918 г. по инициативе Луначарского стали открываться школы на нерусских языках в местностях, населенных соответствующими народами. Подготовке национальных педагогических кадров и изданию национальных учебников стало уделяться большое внимание в центре и на местах. Для многих ранее «бесписьменных» народов России были созданы алфавиты. Сеть национальных школ росла особенно интенсивно.

II всероссийская конференция РКСМ в 1922 г. приняла постановление «О детском движении», эта дата стала днем рождения пионерской организации им. В.И.Ленина. Луначарский привлек к организации этого нового дела старых скаутмастеров. Он активно поддерживал работу инновационных учебных заведений на местах, в частности открытие школьных коммун и школьных городков.

В сферу деятельности наркома НКП входило руководство не только системой образования, но также и сферой культуры, к которой относилось все, что было связано с издательской деятельностью, библиотеками, театрами и кинемато-

графом. Сам Луначарский явно тяготел к этой «стороне» НКП, позиционировал себя как культуролог. Именно по истории культуры написаны его труды, сохранившие ценность по сегодняшний день.

Луначарский воспрепятствовал ликвидации Большого и Малого театров и разграблению крупнейших музеев Москвы и Петрограда. Он выбивал пайки артистам и писателям. В стремлении хоть как-то обезопасить культурные ценности и предотвратить их продажу за рубеж способствовал организации передвижных выставок и отправке в провинциальные музеи произведений современных и классических мастеров под предлогом ознакомления широких масс с искусством, в надежде на то, что там они лучше сохранятся.

Сфера образования, однако, требовала от него куда больших усилий: ведь вузов, техникумов, школ, детских домов и детских садов во много раз больше, нежели театров. К тому же приходилось вникать в особенности определения содержания нового, социалистического образования и методики его преподавания. Именно здесь руководство НКП встретило особенно большие трудности.

Комплексные учебные планы и программы НКП. Начальный период работы НКП вполне может быть охарактеризован как время отрицания всего того ценного, что было накоплено отечественной школой за длительный период ее существования усилиями видных российских педагогов–методистов и бесчисленного количества учителей–практиков. В руководстве НКП преобладали люди, которые искренне стремились к позитивным переменам, однако многие из них не имели не только никакого педагогического образования и существенного опыта учительской работы, но зачастую высшего образования вообще.

В течение первого советского учебного года некоторые ведущие деятели НКП даже отрицали необходимость разработки «центром» каких бы то ни было школьных программ; тем самым они, по всей видимости, стремились скрыть то неприятное обстоятельство, что они просто не знали, как их разрабатывать. Казалось бы, можно было привлечь к этой работе видных российских педагогов–методистов. Однако одни из них (Н.Н.Иорданский, В.И.Чарнолуский, В.П.Вахтеров, Н.В.Чехов, В.А.Гердт, Я.И.Душечкин) состояли активными членами Всероссийского учительского союза, оппозиционного настроенного по отношению к советской власти; другие покинули столичные города и укрылись в провинции в надежде переждать «окаянные дни» (П.Ф.Каптерев); третьи – по требованию репрессивных органов – были вынуждены навсегда покинуть Россию (М.Н.Стоюнина, В.В.Зеньковский, В.В.Розанов).

Тем не менее, конкретные потребности школы и настойчивые запросы учителей с мест вынудили НКП приступить к разработке программ. К концу 1918 г. были готовы и в начале 1919 г. высланы на места первые советские программы, построенные еще по предметной системе и носившие рекомендательный характер. В их тексте указывалось на необходимость выработки конкретных программ с учетом местных условий каждого уезда и даже каждой школы. При этом оставалось непонятно, кто конкретно должен был этим заниматься: губернские работники образования, уездные сотрудники или даже сами учебные заведения. Понятно, что такой подход дезориентировал рядовых учителей и руководителей школ.

В 1920 г. были опубликованы «Примерные учебные планы для I и II ступени в единой трудовой школе». Они были составлены в двух вариантах: план-минимум и план-максимум. Первый вариант предусматривал сокращенное количество учебных часов для тех школ,

которые находились в особенно тяжелых условиях гражданской войны. Планмаксимум исходил из регулярной пятидневной учебной недели, а в шестой день предполагалось проведение экскурсий на природу и на предприятия.

В программах 1920–21 гг. еще было сильно влияние дореволюционных методистов, и это никак не устраивало руководителей НКП. Задачи, выдвигавшиеся установками большевистской партии, и проведение в школу марксистско-ленинского мировоззрения были отражены, по мнению «вождей» НКП, недостаточно сильно. К числу этих задач относились следующие: уничтожить разрыв между теорией и практикой, школой и жизнью, знанием и трудом; воспитать у школьников умение превращать коммунистические принципы в руководство для повседневной практической работы. Как приступить к их реализации – увы, никто не знал.

На заседаниях в НКП неоднократно обсуждалась идея создания комплексных учебных «беспредметных» программ. Эта «здравая» мысль стала сквозной при обсуждении таких важнейших вопросов, как методы обучения («естественный метод усвоения детьми грамоты», «комплексный метод обучения»), создание сельскохозяйственного уклона в деревенской начальной школе и индустриального в городской, внедрение в школу краеведческой работы и др. В качестве основополагающего базиса образовательного процесса должно было выступать именно *беспредметное обучение*.

Это было что-то небывалое в мировой истории образования. «Новаторами из Наркомпроса» единым махом отвергалось все то ценное, что веками нарабатывалось лучшими отечественными и зарубежными педагогами. Отвергались варианты учебных программ, построенные в соответствии с общепринятым предметным принципом, который посчитали излишне регламентирующим школьную работу. Луначарский «со товарищи» считали, что учеба должна осуществляться спонтанно. Ребенок в школе должен был усваивать, по их мнению, не такие обязательные компоненты, как, например, счет, письмо и чтение, не «какие-то там науки», а «весь мир в целом».

В ряде работ западноевропейских и американских педагогов, выступавших против схоластики и формализма старой школы, также проводилась идея комплексного построения учебных программ (Д.Дьюи, У.Х.Килпатрик, Э.Паркхерст и др.). Но в их практическом опыте новозаявленные методы опирались на созданную специально под эти методы материально-техническую базу учебных заведений; учителя и учащиеся были морально и дидактически подготовлены к их введению. Ничего этого не было в российском образовании тех лет. Кроме того, в американских школах указанные нововведения опробывались в экспериментальных учебных заведениях, в то время как в РСФСР было принято решение ввести столь кардинальные изменения во всех российских школах без исключения и без какой-либо предварительной подготовки.

В 1920–21 гг. имели место первые попытки воплощения на практике комплексного подхода в обучении, поначалу в деятельности опытно-показательных станций НКП. Схема программы школы II ступени была построена в соответствии с тремя «колонками»: «Природа, ее богатства и силы», «Использование этих богатств человеком (Трудовая деятельность людей)», «Общественная жизнь».

По мысли авторов в первой колонке должны были найти место *отдельные* сведения по физике, химии и биологии. В этой же колонке размещались разрозненные сведения по строению вселенной и по истории материальной культуры. Вторая колонка заполнялась сведениями

из различных отраслей производства, техники, организации и истории труда. Третья содержала материал обществоведческого характера и отдельные сведения по истории. Самое удивительное в этой схеме заключалось в том, что важнейшие учебные предметы – математика, литература и языки – вообще не были представлены; они должны были, по замыслу авторов, *изучаться попутно*. Все сведения, расположенные в трех колонках, объединялись той или иной комплексной темой («комплексом»), изучение содержания которой увязывалось по возможности с сезонными явлениями и краеведением.

Комплексные программы считались руководящими работниками НКП «блестящим завоеванием», применением диалектического материализма в программах и методах работы советской школы. Луначарский в речи на съезде зав. губернскими отделами социального воспитания восторженно охарактеризовал программы ГУСа: «Это есть нечто, в полном смысле слова, замечательное. Это целый переворот в деле школьного образования. Это такая вещь, которая, если мы сумеем ее развить, будет иметь всемирное значение. В этой программе лежит необычайное изящество структуры; с какой бы стороны ни подойти к ней, вы видите нечто цельное» [1, с. 5]. Н.К.Крупская считала принципиально важной постановку идеи трудовой деятельности трудящихся в центр содержания программ: «В основу программы … кладется изучение трудовой деятельности людей. Этим создается та внутренняя связь между темами отдельных бесед, между различными предметами, которая необходима, так как осмысливает все преподавание» [2, с. 113].

Спустя несколько лет, когда не только вся педагогическая общественность, но и высшие партийно-государственные органы начнут дружно критиковать комплексные планы, Крупская и Луначарский не только станут замалчивать свою причастность к их созданию и внедрению в школы, но, более того, «ополчатся» на «те силы», которые эти программы создали и внедряли. Вводная записка комплексных программ прямо указывала на то, что в ходе их реализации изучаются не учебные предметы, а некие «центральные темы», дающие, по мнению авторов, нужные учащимся по данной теме знания и навыки. Интерес детей, проявлявшийся к тому или иному общественно-политическому или природному явлению, провозглашался критерием отбора учебного материала. Иными словами, заинтересовались дети каким-либо текущим событием – и учитель обязан заниматься с детьми его изучением и обсуждением, а текущий учебный материал можно отложить до лучших времен… Главное – сиюминутные интересы детей!

Уже во введении к программам для пятых–седьмых групп (классов) указывалось, что отныне «не придается никакой цены ранее сложившейся систематике школьных предметов; каждый школьный предмет теряет свою самостоятельность и самодовлеющую ценность» [1, с. 5].

Составители комплексных программ – и Луначарский в первую очередь –вполне искренне стремились к решению следующих важнейших задач: 1) осуществить связь школы с жизнью, радикально перестроить школьное обучение, уничтожив отрыв обучения от практики, от трудовой деятельности людей; 2) привить учащимся диалектико-материалистическое мировоззрение и обеспечить материалистическое содержание школьного обучения; 3) сделать школьное обучение близким интересам ребенка и соответствующим уровню и характеру развития возрастных групп; 4) установить связь обучения с жизнью данного района (краеведческий принцип) и с сезонными явлениями природы.

Указанные задачи остаются актуальными и по сей день. Однако введение

комплексных программ вовсе не способствовало их решению. Авторы полагали, что внедрение их программ само по себе является залогом осуществления на практике диалектического принципа связи явлений жизни. Однако диалектический материализм имеет в виду естественные связи, а в комплексных программах устанавливались искусственные, надуманные связи.

Новаторы из НКП считали, что они проводят идею связи жизненных явлений, принцип связи обучения с практикой социалистического строительства; они «любовались» «цельностью» своих программ. В действительности же комплексные программы представляли собой неудобоваримую смесь бессистемных и клочкообразных сведений, набранных из различных областей знания и искусственно «притороченных» к той или иной теме. На практике комплексные программы нарушали систематичность знаний, логику учебных предметов, развивали у детей поверхностное отношение к учебе и никчемное всезнайство. На уроках говорилось о многом, но ничего не закреплялось основательно. Наука и жизнь механистически противопоставлялись друг другу, нарушалась последовательность в изучении знаний.

В школе II ступени учебные предметы хотя и сохранялись, но расположение учебного материала в каждой теме производилось в соответствии с комплексными темами, вследствие чего учебный предмет уродовался, а логика его нарушалась. Школьному учителю приходилось одновременно «сидеть на двух стульях»: давать учебный материал в соответствии с логикой конкретной дисциплины и в то же время искусственно «подгонять» этот материал под некие комплексные темы, которые, как правило, не имели никакого отношения к учебному предмету.

Некоторые темы в комплексных программах школы I ступени, особенно связанные с сезонными явлениями и революционными праздниками («Первое мая – праздник трудящихся», «Великий Октябрь»), из года в год повторялись во всех четырех классах. Отсюда ненужная повторяемость и большая неэкономность в расходовании времени на уроке.

Учебные навыки (беглость и правильность чтения, орфографически правильное письмо, умение быстро и правильно производить арифметические действия над числами и др.) в программах 1923/24 учебного года отсутствовали совсем. Более того, во вводной записке указывалось: «Нет надобности гнаться за сообщением какой-либо определенной суммы знаний» [3, с. 127]. Комплексные программы фактически уничтожали специфику каждого учебного предмета: «Не должно быть в школе арифметики и русского языка как особых предметов, никакого особого изолированного курса природоведения не должно быть» [3, с. 128]. Нами специально приведена эта цитата, с тем, чтобы показать, как настойчиво стремились создатели программ довести до сознания каждого «шкраба» (школьного работника) мысль о «беспредметности» обучения.

На местах, т.е. в уездных, городских и губернских органах просвещения, стоявших ближе к реальной школьной практике, отнеслись к комплексным программам с явной настороженностью. Так, Петроградский губоно издал эти программы для своих учителей, снабдив их специальным комментарием, в котором достаточно осторожно отмечалось, что «предлагать программы, составленные по комплексному методу, где бы грани отдельных предметов стирались, пока такие программы не выдержали строгого испытания на практике, едва ли было бы целесообразно» [4, с. 161]. Но если орган просвещения важнейшего российского региона мог каким-то способом выразить свое негативное мнение в отношении программ,

то губернским органам образования провинциальных территорий не оставалось ничего другого, как принять их к неукоснительному исполнению.

Неудивительно, что в таких условиях работа учителя поневоле начала принимать двойственный характер. Часть времени действительно заботившиеся об интересах дела учителя уделяли *комплексу* в чистом виде, прорабатывая материал трех колонок комплексной программы. Другую часть урока они посвящали таким занятиям, которые ничем не отличались от уроков «старой» школы, т.е. отработке реальных практических умений и навыков счета, письма, чтения и т.п.

К 1925 г. стала явно ощущаться несостоятельность комплексных программ. На их недостатки указывали теперь не только учителя, но даже обычные рабочие и крестьяне. Они писали об этом в газеты, говорили на эту тему на разного рода съездах и конференциях. Например, на XIII Всероссийском съезде Советов при обсуждении доклада А.В.Луначарского на этом вопросе заострили внимание делегаты от Тамбовской, Московской и ряда других губерний. Повсеместно на школьных собраниях родители настаивали: «Научите наших детей, прежде всего, читать, писать, считать, а потом уже вводите нужные вам комплексы». «Комплексы» воспринимались здравомыслящими учителями и родителями как нечто противоестественное, противостоящее здравому смыслу; как нечто такое, что нужно чиновникам от образования, но никак не детям.

Защищаясь от совершенно здравых обвинений, Луначарский и Крупская в своих выступлениях подчеркивали, что их комплексные программы представляют собой конкретное воплощение политики партии в школе. Иными словами, они попытались придать своим изыскам политический характер. И хотя под напором требований с мест Луначарский в 1925 г. выступил с «компромиссным» предложением устраивать в школах специальные уроки счета, письма и чтения, однако «реабилитировать» математику и другие науки, попавшие под его, Луначарского, запрет, глава НКП по-прежнему отказывался. Отказ от этого запрета и комплексных программ означал бы для него и Крупской признание их собственного поражения, чего Луначарский никак не хотел допустить.

Выступая на совещании заведующих агитационно-пропагандистскими отделами губернских комитетов ВКП(б) (1925), Луначарский с возмущением говорил о тех школах, которые, несмотря на запреты НКП, вернулись-таки к предметному подходу, указывая при этом в документах, что комплексный подход якобы ими полностью осуществляется. Тем самым эти школы, по мнению главы НКП, ввели в заблуждение руководящие органы [5, с. 399].

В 1925 г. в НКП уже стали понимать необходимость переработки программ, однако «педагогический Олимп» по-прежнему твердо держался «комплекса» как ведущего начала структуры программ и если к чему-то и склонялся, то лишь к некоторым уступкам в отношении «навыков»: их «потихоньку» стали разрешать [6]. Учителя оставались после уроков с теми детьми, кто проявлял желание хоть чему-то научиться; родители приглашали учителей на дом для фактически нелегальных индивидуальных или групповых занятий со школьниками.

В 1927 г. были изданы новые программы, в которых снова была подтверждена верность комплексной системе. При этом авторы даже сожалели, что школы пока оказываются не в состоянии «построить все программы и всю учебную работу в виде *комплексов-дел*, в виде последовательного и непрерывного ряда трудовых заданий общественно-практического порядка» [7, с. 26]. Программы 1927 г. включали в себя элемент своеобразного компромисса

между комплексностью и предметностью в форме своеобразного приложения, которое называлось «программа навыков». Но уже в программах 1929 г. это здравое дополнение было исключено, а сами программы стали во все большей степени преобразовываться из комплексных в комплексно-проектные; они стали еще более бессистемными, и, что было особенно печально, сильно сокращался объем изучаемого школьниками содержательного материала. Помимо этого, в программах усиливался концентризм в преподавании учебного материала и его повторяемость.

Вместо общеобразовательного материала авторы программ выдвинули на передний план общественно-полезную работу, которая должна была выполняться в виде проектов с первых же дней пребывания ребенка в школе; например, «Наблюдения за заболеваемостью в своих семьях». В программе указывалось, что, если в семье все были здоровы и наблюдать было не за кем, предлагалось идти наблюдать туда, где есть больной. И это в то время, когда в некоторых регионах страны имели место эпидемии малярии, холеры, тифа и других опасных заболеваний.

Впоследствии недостатки рассмотренных программ были «списаны» на «происки правых и левых уклонистов», на «вредителей», которые, «маскируясь революционной фразой, двурушничая, сумели ввести в заблуждение наркомпрос» [3, с. 135]. Разумеется, никаких «уклонов» и никакого «вредительства» в деятельности НКП в 1920-е гг. и позднее не было, зато подчас имело место самое настоящее педагогическое невежество, фундированное идеологическими и политическими установками и выражавшееся в отказе от всего передового в деятельности российской школы. Немалый вред наносило и бездумное увлечение зарубежными «новациями», что не в последнюю очередь объяснялось солидным дореволюционным эмигрантским «стажем» ведущих сотрудников НКП. И разумеется, важной причиной внедрения рассмотренных выше «комплексных программ» было отсутствие педагогического образования и серьезной учительской практики у руководителей этого ведущего органа образования в стране.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что на всех жизненных этапах А.В.Луначарского в его научной и практической деятельности преобладало стремление принести как можно больше пользы своему народу. Все свои силы он направлял на практическую реализацию большевистских идей. В таком сложном деле, как просвещение целой огромной страны, невозможно было обойтись без тех или иных ошибок, что в полной мере проявилось в разработке НКП учебных программ и планов.

Как бы то ни было, высвобожденная революцией энергия масс, в том числе учительских, позволила добиться в 1920-е гг. значительного прогресса в ликвидации неграмотности, в восстановлении и дальнейшем развитии системы образования, в подготовке первого поколения «красных» командиров производства и специалистов; иными словами, дала возможность заложить надежный фундамент для будущего подъема хозяйства страны в целом и выхода ее на передовые позиции во многих отраслях науки и производства. Во всех этих достижениях есть немалая доля трудов А.В.Луначарского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые программы для единой трудовой школы I ступени 1, 2, 3 и 4 годов обучения. Вып. 1. М., 1923. 36 с.

2. *Крупская Н.К.* К вопросу о программах // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1978. Т. 2. С. 112–119.

3. *Константинов Н.А., Медынский Е.Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Учпедгиз, 1948. 472 с.

4. Программы-минимум для единой трудовой школы I и II ступени. Петроград, 1923. 210 с.

5. *Луначарский А.В.* Доклад на совещании зав. агитпропами губкомов в октябре 1925 г. // Просвещение и революция: Сб. докладов и статей. М.: Госиздат, 1926. С. 396–402.

6. Программы для первого концентра школ второй ступени. М., 1925. 120 с.

7. Программы и методические записки единой трудовой школы. Вып. 5 и 6. М., 1927. 126 с.

Дата поступления – 04.06.2025

A.V. Lunacharskiy as the first People's Commissar of Education in the RSFSR (for the 150th birthday anniversary)

Vladimir B. Pomelov – Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Vyatka State University (Kirov, Russia); vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to A.V.Lunacharskiy, the prominent figure in Russian education of the Soviet era. The main stages of his life path are shown. He is characterized as a politician who entered the history of the USSR as the first head of the People's Commissariat of Education in the RSFSR. The years of his leadership in Russian education came at a time of fundamental socio-political changes in the life of the country. The article reveals his achievements in overcoming the illiteracy of the population, improving the level of culture and education in the Soviet Russia. The article describes the difficulties in implementation of comprehensive programs and curricula for schools.*

Key words. *People's Commissariat of Education in the RSFSR, education in the RSFSR in the 1920s, comprehensive curricula and plans, A.V.Lunacharskiy, N.K.Krupskaya.*

REFERENCES

1. Novy`e programmy` dlya edinoj trudovoj shkoly` I stupeni 1, 2, 3 i 4 godov obucheniya [New programs for the unified labor school of the 1st, 2nd, 3rd and 4th years of study]. Vy`p. 1. Moscow, 1923. 36 p.

2. *Krupskaya N.K.* K voprosu o programmax [On the issue of programs]. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow: Pedagogika, 1978. Vol. 2. P. 112–119.

3. *Konstantinov N.A., Medy`nskij E.N.* Ocherki po istorii sovetskoj shkoly` RSFSR za 30 let [Essays on the history of the Soviet school of the RSFSR for 30 years]. Moscow: Uchpedgiz, 1948. 472 p.

4. Programmy`-minimum dlya edinoj trudovoj shkoly` I i II stupeni [Minimum programs for the unified labor school of I and II levels]. Petrograd, 1923. 210 p.

5. *Lunacharskij A.V.* Doklad na soveshhanii zav. agitpropami gubkomov v oktyabre 1925 g. [Report at a meeting of heads of agitation and propaganda departments of provincial committees in October 1925]. *Prosveshhenie i revolyuciya: Sb. dokladov i statej* [Enlightenment and revolution: Collection of reports and articles]. Moscow: Gosizdat, 1926. P. 396–402.

6. Programmy` dlya pervogo koncentra shkol vtoroj stupeni [Programs for the first concentration of secondary schools]. Moscow, 1925. 120 p.

7. Programmy` i metodicheskie zapiski edinoj trudovoj shkoly`. Vy`p. 5 i 6 [Programs and methodological notes of the unified labor school. Issues 5 and 6]. Moscow, 1927. 126 p.

Submitted – 04.06.2025